

О ВЛИЯНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ИССЛЕДОВАНИИ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Людмила Борисовна Карпенко

доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации
Самарского национального исследовательского университета
им. академика С. П. Королёва
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34
заведующая кафедрой классического и зарубежного языкознания
Самарской духовной семинарии
443110, Россия, г. Самара, улица Радонежская, 2
liudmila.karpenko.53@mail.ru

Для цитирования: *Карпенко Л. Б.* О влиянии идеологических установок в исследовании кирилло-мефодиевской проблематики // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2021. № 3 (5). С. 87–97. DOI: 10.31802/WI.2021.5.3.005

Аннотация

УДК 27-76-051

Статья посвящена проблеме влияния идеологии на восприятие наследия св. Кирилла. Содержится анализ концепций советского времени о начале восточнославянской письменности и зависимость от них некоторых мифосюжетов на эту тему, в частности идеи о том, что глаголица могла быть русским письмом. Приводятся лингвистические аргументы, исключающие возможность интерпретации глаголицы как восточнославянского письма.

Ключевые слова: кирилломефодиевистика, влияние идеологии, происхождение восточнославянской письменности, глаголица.

On the Influence of Ideological Attitudes in the Study of Cyril and Methodius Problems

Liudmila B. Karpenko

Doctor of Sciences in Philology

Professor at the Department of Russian Language and Mass Communication
at the Samara National Research University named after Academician S. P. Korolyov
34, Moskovskoe shosse, Samara 443086, Russia

Head of the Department of Classical and Foreign Linguistics
at the Samara Theological Seminary

2, Radonezhskaya st., Samara 443110, Russia

liudmila.karpenko.53@mail.ru

For citation: Karpenko, Liudmila B. "On the Influence of Ideological Attitudes in the Study of Cyril and Methodius Problems". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 3 (5), 2021, pp. 87–97 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2021.5.3.005

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of time and ideological attitudes on the perception of the heritage of St. Cyril. The article contains an analysis of the concepts of the Soviet period about the beginning of East Slavic writing and the dependence of some modern Mythos stories on this topic on them. Linguistic arguments are given that exclude the possibility of interpreting Glagolitic as an East Slavic alphabet.

Keywords: Cyrillo-Methodian studies, origin of East Slavic writing, ideological attitudes, Glagolitic alphabet.

Кирилломефодиевистика в целом, как область взаимодействия фундаментальных гуманитарных дисциплин, изучающих основанные первоучителями традицию, язык, смыслы и ценности, позволившие славянству выйти на уровень европейской и мировой культуры, масштабна по своим достижениям. Обобщая результаты учёных, работающих в данной области, академик А. М. Молдован справедливо указывает, что сегодня достигнуты существенные прорывы в области изучения кирилло-мефодиевского наследия. На основе масштабных картотек созданы и создаются фундаментальные словари церковнославянского языка разных периодов и изводов, достигнуты значительные успехи в текстологии славянского письменного наследия, заметный подъем переживает изучение литургических текстов и древнеславянской гимнографии¹. Впечатляя современными достижениями, отечественная палеославистика XX в. в вопросе о происхождении восточнославянской письменности обнаруживает искания периода неопределённости. Цель статьи — показать отображение в мифах о происхождении восточнославянской письменности идеологических предписаний своего времени.

Историк Ф. И. Успенский охарактеризовал проблему происхождения славянской письменности как «постоянно обладающую интересом современности», подчёркивая, что «отношение образованного общества к вопросам, связанным с деятельностью Константина-Кирилла, должно служить показателем нашей научной и политической зрелости»². На фоне общего прогресса отношение «образованного общества» к вопросу о происхождении славянской письменности в смысле приведенной цитаты является показателем все же недостаточной «зрелости». Затянувшееся состояние нерешённости азбучной проблемы вызвало мифы вроде «Кирилл и Мефодий не были просветителями славян, славянская письменность существовала до Кирилла», «Глаголица — древнерусское письмо» и подобные заблуждения и мифы о происхождении восточнославянской письменности коренятся в недостатке необходимых знаний, но они могут иметь корни и в существовавшей ранее идеологической мотивации. Так, идеологически мотивировано в советской палеославистике в середине прошлого века ставился вопрос о начальном этапе древнерусской письменности.

1 Молдован А. М. Пути славистики в современном мире. XIV Международный съезд славистов: Охрид, 10–16 сентября 2008 г. М., 2008. С. 7–11.

2 Успенский Ф. И. История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 49.

Отечественные филологи XVIII–XIX вв. были солидарны в понимании того, что начало русской письменности и русского литературного языка связано с христианизацией и распространением из Моравии и Болгарии созданной славянскими первоучителями христианской книжной традиции. Значение церковнославянской книжности для русской письменности и русского литературного языка было определено с момента опубликования «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова. В этом сочинении М. В. Ломоносов проницательно обозначил, что славяне не умели письменно передавать свои мысли раньше, чем церковные книги были переведены с греческого языка на славянский для славословия Божия, книжное богатство было «приобретено купно с греческим христианским законом»³. В XIX в. мысль о связи распространения письменности у славян в связи с христианизацией была обоснована в трудах И. И. Срезневского, О. М. Бодянского, В. И. Григоровича и других отечественных славистов, предпринявших значительные усилия по разысканию древнеславянских памятников письменности и их опубликованию. В это время был установлен основной корпус древнецерковнославянских памятников на глаголице. Представления о древнеславянских рукописях в середине XIX в. значительно расширились благодаря каталогу епископа Порфирия (Успенского), созданному им во время посещений монастыря Святой Екатерины на Синае, и в особенности благодаря находкам В. И. Григоровича во время его путешествий по Балканам. Обнаружение таких древних глаголических памятников, как Зографское Евангелие, Мариинское Евангелие, Боянский палимпсест, Охридские глаголические листки, Рыльские глаголические листки, способствовало постепенному утверждению представлений о старшинстве глаголицы и её атрибуции св. Кириллу. Был накоплен необходимый объем знаний, служивших основой для понимания древней глаголицы как письма, отражённого в моравских и древнеболгарских памятниках церковной книжности. В начале XX в. А. А. Шахматов объяснил связь не только русского книгописания, но и русского языка на всех этапах его существования с церковной традицией: «Древнерусская письменность началась одновременно с принятием Киевской Русью христианства. Это важнейшее в истории русского народа культурно-историческое событие было подготовлено теми культурными связями, которые создались между южною Русью и Балканским полуостровом. <...> Заимствовав

3 Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. Л., 1953. С. 58.

от болгар христианскую веру, русские переняли и их язык в качестве сначала церковного языка, потом книжного языка⁴.

Однако в советский период традиционные представления отечественной палеославистики были подвергнуты переоценке. В 40-е и 50-е гг. XX в. роль Церкви и славянских источников в распространении письменности на Руси была переосмыслена, главенствующая концепция этого времени утверждала наличие у восточных славян ещё в дохристианскую эпоху своих систем письма с «местными корнями», своей азбуки, даже не одной, а нескольких, среди них и глаголицы. Без каких-либо обоснований глаголица стала рассматриваться как восточнославянское по происхождению письмо.

Изменение взглядов на происхождение русской письменности в конце 40-х — начале 50-х гг. было связано с антицерковной политикой. Сущностные противоречия между советской идеологией и православием стали основанием для пересмотра всех достижений, связанных с Церковью. Не деятельность Церкви по распространению христианской литературы, а потребности формировавшегося древнерусского государства стали указываться в качестве главного критерия, определяющего появление письменности у восточных славян. Существование собственных систем письма на Руси ещё в докирилловскую эпоху стало преподноситься почти как аксиома, не требующая доказательств. В конце 40-х гг. XX в. академик С. П. Обнорский, выступавший с идеей независимости древнерусского литературного языка, выразил суждение об «очень раннем зарождении у нас письменной культуры, задолго до первого сохранившегося письменного памятника русского языка». С. П. Обнорский предположил существование письменности ещё у русов антского периода (т. е. в VI–VII вв.) на территориях Поднепровья и сопредельных областей, где позднее формировалось русское государство. Он писал: «отнюдь не являлось бы смелым предположение о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода»⁵. В это же время не менее убеждённо П. Я. Черных высказывался о восточнославянском происхождении глаголицы: «уже не приходится сомневаться в том, что глаголическое письмо возникло где-то в северном Причерноморье в результате длительного процесса развития из «черт и резов»⁶. Следом и Д. С. Лихачёв,

4 Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1 / под ред. акад. И. В. Ягича; Императорская АН. Отделение русского языка и словесности. Пг. 1915. С. 162.

5 Обнорский С. П. Культура русского языка. М., 1948. С. 8.

6 Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950. С. 12–13.

рассуждая о том, каким мог быть древний алфавит восточных славян, называл глаголицу, а в целом допускал возможность многоалфавитности: «Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей у русского населения Северного Причерноморья, тесно соприкасавшегося с греческими колониями, не могли употребляться буквы греческого алфавита для письма на русском языке. <...> Многоалфавитность древнейшей стадии письменности у восточных славян не подлежит сомнению»⁷. В высказываниях о глаголице и других советских палеославистов в начале пятидесятих годов XX в. говорится о самобытности этой азбуки, якобы возникшей на Руси.

Своевременно В. В. Виноградов указал на зыбкость и противоречивость тезисов Д. С. Лихачёва: «с одной стороны <...> допускает первичность глаголицы — по сравнению с кириллицей, но тут же он без всяких доказательств и новых данных связывает изобретение того и другого алфавита с русским языком. <...> Всё это показывает, как ещё много в этих вопросах спорного, гадательного, субъективно произвольного, противоречивого, научно не доказанного»⁸.

Чтобы понять приверженность наших крупнейших филологов идее о восточнославянском происхождении глаголицы, нужно понять поставленную перед советскими палеославистами задачу поиска «своего» письма и учесть популярность в трудах классиков марксизма распространённого в XIX в. суждения американского социолога Л. Моргана о связи возникновения письма с происхождением государства. Это суждение было повторено Ф. Энгельсом в сочинении «Происхождение частной собственности, семьи и государства», а потом И. В. Сталиным. Представление о появлении письменности в связи с развитием государства отражено в работе «Марксизм и вопросы языкознания», написанной И. В. Сталиным в 1950 г.: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждающегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка»⁹.

7 Лихачёв Д. С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности // Лихачёв Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 21.

8 Виноградов В. В. Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка» // Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 10–11.

9 Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания // Сталин И. В. Сочинения: в 18 т. Т. 16. Тверь, 2006. С. 119.

Сама по себе идея потребности государства в развитом письме не может вызывать сомнения, но обязательно ли возникающее государство создаёт своё особенное, самобытное письмо? Исследователями письма установлено, что в истории мировой культуры очень немногие народы формировали собственные письменные системы, большинство народов в разное время использовали заимствованную письменность. Так, из Китая были заимствованы иероглифы в качестве знаков японской письменности. Шумерская клинопись была воспринята аккадцами и ассирийцами. Большинство из распространённых в современном мире алфавитных систем письма являются результатом длительного преемственного развития алфавита. К финикийскому алфавиту восходит греческое письмо, от которого произошли латинский алфавит и славянская кириллица, от древнеславянской кириллицы произошли десятки вариантов современных азбук, построенных на кириллице и т. д. Известно немало языков, которые переходили с одного письма на другое, и даже неоднократно. Таким, например, является абхазский язык. До IX в. он использовал греческое письмо, с IX в. до XIX в. — грузинское письмо, в 20-е гг. XX в. — латинское, потом опять грузинское и с 1954 г. — кириллицу. Аварский язык до XIX в. использовал арабское письмо, в конце XIX в. — кириллицу, в 20-е гг. XX в. — латинское письмо, с 1938 г. — кириллицу. Эти и подобные примеры свидетельствуют о том, что потребность государства в письме не означает неперенной потребности создания собственного письма. Но в советское время отстаивалась идея самобытности русской культуры, и поэтому на основании идей, отражённых в трудах классиков марксизма, получила развитие концепция собственной восточнославянской докирилловской письменности.

В 50-е гг. было предпринято несколько попыток «реконструкции» протоглаголического алфавита как докирилловского восточнославянского письма. После публикаций П. Я. Черных, Н. А. Константинова гипотеза восточнославянского происхождения глаголицы, «выводившая» азбуку из мнимого дохристианского восточнославянского протоглаголического письма, истоки которого искали в так называемых «причерноморских знаках», получила у нас популярность. Н. А. Константинов ссылался на якобы обнаруженную «протоглаголицу» на артефактах IV–V вв. в районе Причерноморья¹⁰. Гипотеза Н. А. Константинова в дальнейшем критиковалась и советскими, и болгарскими палеославистами.

10 Константинов Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица // Учёные записки ЛГУ. Серия Филология. 1957. № 197. Вып. 23. С. 110–146.

С её опровержением выступила Е. Э. Гранстрем, писавшая: «ныне представляется крайне заманчивой возможность доказать также самобытное возникновение древнерусского письма. <...> Однако подобранный Н. А. Константиновым материал не может служить доказательством его гипотезы, в отдельных случаях <...> привлекаются памятники, ничего общего с историей письма не имеющие или относящиеся к более позднему времени <...>. Попытки изобразить глаголицу как самобытное древнерусское или скифское письмо основаны только на внешнем, подчас случайном сходстве отдельных глаголических букв с так называемыми загадочными знаками Причерноморья»¹¹. Позднее В. А. Истрин также указал на отсутствие документальных подтверждений этой гипотезы¹². Ещё одна реконструкция протоглаголицы на основе знаков на русских пряслицах и других ремесленных изделиях и бытовых предметах, обнаруженных на территории России и относящихся к VIII–XVI вв., была предложена И. А. Фигуровским¹³.

Эти «реконструкции», не имевшие под собой никаких славянских рукописных памятников, по сути игнорировали установленные в XIX в. знания о глаголице и исторические источники, определённо указывающие на Кирилла как на создателя славянского письма.

Критически отнеслись к идее докирилловского происхождения глаголицы и болгарские палеослависты. Рассматривая гипотезу о восточнославянском происхождении глаголических знаков, болгарский палеограф П. Илчев в своей обобщающей статье о глаголице, опубликованной в «Кирилло-Мефодиевской энциклопедии», пишет: «Днес оживлението в тази област се поддържа предимно от неспециалисти, за които не е трудно да открият първоисточника на глаголицата в каквито и да е писмени белези, стига те да са намерени в района на Черноморския басейн (сегодня оживление в этой области поддерживается преимущественно неспециалистами, для которых нетрудно открыть первоисточник глаголицы в каких угодно письменных знаках, лишь бы они были найдены в районе Черноморского бассейна (перевод мой. — Л. К.))»¹⁴.

Попытки преподнести глаголицу как древнерусское письмо были обречены на неудачу. Так называемые «причерноморские знаки»,

11 Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 301.

12 Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 426.

13 Фигуровский И. А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными» знаками // Учёные записки Елецкого педагогического института. Липецк, 1957. Вып. II. С. 166–186.

14 Илчев П. Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия: в 3 т. Т. I. София, 1985. С. 503.

выдаваемые за докирилловскую «протоглаголицу», на самом деле к глаголице не имеют никакого отношения и не идентичны её начертаниям (сравните начертания глаголицы в работе П. Илчева¹⁵). Они представляют собой разнообразные знаки (тамговые, знаки собственности и пр.) на предметах разных культур и разных эпох, которые были намеренно собраны в один ряд. Тем не менее, и в последующие 1960–1970-е гг. версия восточнославянского происхождения глаголицы имела распространение. Обусловленная временем установка породила обилие мифов о глаголице, отголоски которых продолжают звучать и сегодня.

С патриотическим подъёмом о восточнославянской глаголице обычно пишут историки и литераторы, не учитывающие лингвистическую сторону вопроса. С точки зрения славянского исторического языкознания вопрос о том, могла ли глаголица быть восточнославянским по происхождению письмом, решается однозначно, так как хорошо известна разница между восточнославянским языком (древнерусским), и южнославянским (древнеболгарским), на котором создавался братьями перевод Библии. Древнейшие славянские рукописи на глаголице (они условно датируются X–XI вв.), написаны на древнецерковнославянском языке, иначе называемом старославянским или древнеболгарским. Существует неоспоримая прямая двусторонняя связь между понятиями «древнецерковнославянский язык» и «глаголица». Эта связь обнаруживается в следующем: а) древнейшие церковнославянские тексты написаны на глаголице; б) древнеславянская глаголица периода старославянской книжности имеет характер исключительно христианского письма, что подтверждается как содержанием рукописей, так и традицией их хранения в монастырях Афона и Синая вплоть до XIX–XX вв. Древнейшими глаголическими памятниками (они преобладают над кириллическими — как рукописные, так и эпиграфические — и по языку старше кириллических) являются памятники церковнославянской книжности, своим происхождением связанные с кирилло-мефодиевской традицией. Это известные эпиграфические памятники (глаголический абecedарий на стене крестильни в Круглой церкви Преслава, столицы Болгарии эпохи царя Симеона, надписи из болгарского села Равна) и памятники рукописные богослужебного содержания (Ассеманиево Евангелие, Зографское Евангелие, Мариинское Евангелие, Синайская Псалтырь и др.). Языковые особенности, следовательно отраженные в древнейших памятниках глаголического

15 Илчев П. Глаголица. С. 492–493.

письма (южнославянские рефлексы [шт] и [жд] на месте *tj, *dj; сохранение носовых и др.; лексические и синтаксические болгаризмы) ясно обозначают их южнославянскую болгаро-македонскую народно-разговорную основу и исключают восточнославянское происхождение глаголицы. Как известно, все, что у восточных славян имеется на глаголице от древнего периода (включая граффити храмов св. Софии в Киеве и в Новгороде Великом), — вторично по отношению к южнославянской традиции и является результатом христианизации, имеет сакральный, христианский характер.

Сегодня палеослависты признают, что реальных памятников употребления письма на Руси до официального крещения нет, как и нет оснований для пересмотра, высказанного более тридцати лет назад академиком Н. И. Толстым тезиса: «...У нас нет никаких свидетельств о существовании славянской письменности в докирилловскую эпоху. Все памятники, открытые в послевоенный период, в том числе и ряд надписей на камне, относятся к более позднему периоду — X–XII вв. Попытки как бы то ни было обосновать существование славянской письменности до Кирилла и Мефодия <...> оказались тщетными и лишеными серьезной научной аргументации. Особенно конфузными стали опыты объяснения севернопричерноморских тамговых знаков в качестве протоглаголицы»¹⁶.

Что касается природы глаголицы, уместно напомнить, что анализ в контексте славянской письменной традиции, в контексте Библии и раннехристианской эстетики раскрывает эту славянскую азбуку как знаковую систему, наделённую не только свойствами фонографии, но и христологическим символизмом, соотнесённостью графических форм с комплексом правой веры, который отстаивали в своей миссионерской деятельности Кирилл и Мефодий. Содержательная соотнесённость символических значений начертаний глаголицы с христологическим комплексом и текстами кирилло-мефодиевского канона служит одним из важнейших доказательств атрибуции глаголицы св. Кириллу¹⁷.

16 Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 129.

17 Карпенко Л. Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, Церковь, религия в России и за рубежом. 2009. Т. 27. № 2. С. 16–40; Она же. Глаголица и Символ веры: к вопросу о христологическом содержании первой славянской азбуки // Palaeobulgarica. 2020. № 4 (XLIV). С. 47–70.

Литература

- Виноградов В. В.* Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка» // *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. С. 3–40.
- Гранстрем Е. Э.* О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 300–313.
- Илчев П.* Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия: в 3 т. Т. 1. София: Изд. на БАН, 1985. С. 491–508.
- Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965.
- Карпенко Л. Б.* Глаголица и Символ веры: к вопросу о христологическом содержании первой славянской азбуки // *Palaeobulgarica*. 2020. № 4 (XLIV). С. 47–70.
- Карпенко Л. Б.* Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Т. 27. № 2. С. 16–40.
- Константинов Н. А.* Черноморские загадочные знаки и глаголица // Учёные записки ЛГУ. Серия Филология. 1957. № 197. Вып. 23. С. 110–146.
- Лихачёв Д. С.* Несколько замечаний о возникновении русской письменности // *Д. С. Лихачёв.* Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 14–24.
- Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. Л.: Изд. АН СССР, 1952. С. 585–592.
- Молдован А. М.* Пути славистики в современном мире. XIV Международный съезд славистов: Охрид, 10–16 сентября 2008 г. М.: РАН, 2008.
- Обнорский С. П.* Культура русского языка. М.: Изд. АН СССР, 1948.
- Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания // *Сталин И. В.* Сочинения: в 18 т. Т. 16. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 104–138.
- Толстой Н. И.* Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1988. С. 128–140.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057). М.: Мысль, 1997.
- Фигуровский И. А.* Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными» знаками // Учёные записки Елецкого педагогического института. Липецк, 1957. Вып. II. С. 166–186.
- Черных П. Я.* Происхождение русского литературного языка и письма. М.: Учпедгиз, 1950.
- Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1 / под ред. акад. И. В. Ягича; Императорская АН. Отделение русского языка и словесности. Пг.: Тип. Имп. АН, 1915.